

ло сложнее. Если просто исчерпаны одни возможности, начини исчерпывать другие. Но ты к тому же понимаешь, что больше вообще ничего не умеешь, что все твои здешние навыки использованы, испробованы, а других нет. Это гораздо страшнее. Перестаешь себя любить. Наверное, полезно в какие-то периоды себя сильно не любить, но они же не могут быть затяжными. Другого-то человека сложно любить в таком искусственном городе, как Кемерово, а еще и себя...

В 1999 ГОДУ НА ФЕСТИВАЛЕ NET ГРИШКОВЕЦ ПОКАЗАЛ СВОЙ ВТОРОЙ МОНОСПЕКТАКЛЬ «ОДНОВРЕМЕННО»

— Тебе было все равно, куда ехать?

— Да. Но только не в Москву.

— Почему?

— Москва требовала слишком больших усилий, нужно было целиком перестраиваться, а Калининград своими размерами и возможностями ничем не отличается от Кемерово, только приятнее для жизни. А это мне, собственно, и нужно. Просто жизнь, без всяких творческих перспектив.

— Я знаю, что ты тогда пробовал поставить что-то в городе Советске — в «Тильзит-театре» у Марчелли, такой же импровизационный спектакль, как в «Ложе». Артисты работали с удовольствием?

— Насколько можно с удовольствием работать в театре, где во время репетиций находится заслуженный артист России Миронюк, объявивший голодовку из-за того, что не платят зарплату. В городе с 38 тысячами жителей (в Сибири он имел бы статус поселка) есть целый театр с труппой, а премьерный спектакль может собрать максимум два-три зрительных зала... Тотальная нищета: город Тильзит, то есть Советск, расположен на границе с Литвой, и артисты ходили в Литву — пешком по мосту. Пронесли водку или продавали на рынке какие-то вещи. А потом замерзшие приходили на репетицию. Чего там... Я не Павка Корчагин, я лучше вообще не буду ничего делать, чем буду в таком несчастье...

— Ты уже ощущаешь Калининград своим городом? Он доброжелателен к тебе?

— Я его сам выбирал, мне там нравится, но это не мой город, он меня не считает своим. В провинции такие персонажи, как я, раздражают: «Вот мы здесь живем, работаем — это достойно, это нормальная жизнь». А я им как будто намекаю, что это не совсем так. Особенно я раздражаю людей, которые работают в театре, вообще в культуре. Это неудивительно, так будет в любом городе. Кроме Москвы, конечно.

— Значит, ты вообще не играешь спектакли в своем городе?

— Нет. Я сыграл раза три — для друзей.

— Они сами все и организовали.

— Для человека из Кемерово в тебе совсем нет провинциальности. Это редкость.

— На самом деле я провинциальный человек. Меня больше радует, что во мне нет столичности. Если бы мне кто-нибудь на это намекнул, я бы начал бороться со всеми признаками такой отдельности. Я вообще не

хочу быть отдельным, не хочу быть один.

— Ты хочешь быть в команде, в компании?

— Нет такой компании, к которой я хотел бы примкнуть. Я работаю в театре «Школа современной пьесы», сейчас мы ставим спектакль. Атмосфера мне очень нравится. Ко мне хорошо относятся, и условия меня устраивают. Меня считают своим, и я не считаю себя чужим, но все равно есть какая-то отдельность. Я просто не представляю, что я там могу еще сделать? Делать такие же спектакли, как раньше?

— Тебе это надоело?

— Мне не надоело, я устал от одиночества, вот и все. Но, собственно, это нормальное состояние.

— Что же это за одиночество, от которого ты устал?

— Я один на сцене. Не то чтобы мне был нужен кто-то, кто поможет, поддержит и подставит плечо. Я хочу поставить спектакль, где я выйду на сцену не один. Мы с Алвисом Херманисом уже решили, что в следующем сезоне будем играть новый спектакль вдвоем. Я думаю, что в сентябре он выйдет. Замысел мне нравится. Это будет тот же самый способ, что и в «Ложе», — не пьеса, а текст, который я предложу Алвису присвоить. Он ведь не русскоязычный человек, хотя у него очень хороший русский. Он будет говорить так, как ему удобно. К тому же он режиссер. Ставить буду я, но я уверен, что там будет много от Алвиса. Это будет спектакль под названием «по По» по рассказам Эдгара По. Есть условие — не перечитывать тексты. Мы будем рассказывать их почти так, как помним с детства. Словно рассказываем друг другу истории.

— Это будет диалог?

— Движение к диалогу. В конце спектакля диалог возникнет. Это будет настоящий спектакль, с драйвом. Сейчас я этого очень хочу.

— А потом будешь ставить с другими акте-

рами, чтобы самому не выходить на сцену?

— Посмотрим. Я же делаю все очень постепенно: сначала моноспектакль, потом пьеса на двоих, потом на троих, потом многофигурная, как «Город»...

— А свой актерский кайф ты ловишь, когда играешь?

— Я не знаю, что такое актерский кайф. Я испытываю кайф от того, чем занимаюсь внутри спектакля. Во-первых, это мой текст, я его каждый раз создаю. Я даже не импровизирую — я слежу за композицией спектакля, слежу за временем, я забочусь о том, чтобы точно подать реплику для света и звука. При этом я могу каждый раз что-то менять. Работы хватает. У меня просто нет возможности что-то «игрануть».

— В какой степени твой лирический герой — это ты?

— Бывают периоды, когда я чувствую, что спектакль как бы отдалился от меня. Если я вижу, что дистанция возрастает, я сразу же ее сокращаю, сразу беспокоюсь и очень быстро привожу спектакль в соответствие со своим сегодняшним состоянием. Иногда, когда я чувствую, что дело слишком сложное, пытаюсь временно не играть.

— Но ведь дистанция между тобой и персонажем есть?

— Дистанции не может не быть, иначе это будет просто жизнь. Я даже в спектакле «ОднорвЕмЕнно» веревочкой огораживаю место, показывая, что так возможно говорить только здесь. Перед спектаклем «Как я съел собаку» я говорю: «Сейчас я уйду со сцены, переодену майку, сниму часы, очки, вернусь сюда, и это буду уже не я, а персонаж. Спектакль «Как я съел собаку» — это часть моей биографии, соответственно этот персонаж будет рассказывать часть моей биографии, и это фактически буду я. Для меня большой вопрос, где я, а где мой персонаж». И потом говорю: «Но вас я прошу не путать. Это персонаж. И поэтому я уйду, спек-